

Вірші поетів об'єднання «Зелена лампа»

Владислава Ільїнська

*

міністр змінює міністра,
додаючи відсутність змісту,
ракети палять серце міста,
серця усіх квітучих міст,
вдовж узбережжя урочисто
кафешок тягнеться намисто,
не вистачає піаніста –
та не зіграє піаніст
навколо людно та строкато,
але у скроню б'є стакато,
що на прикладі автомату
тепер він грає полонез
і хтось шепоче винувати,
що треба ж якось виживати
а загалом – триває свято,
що з ним, що без...

*

новое утро стягивает одеяло, как будто скальп.
плещет тебе, еще сонному, в лицо ледяной водой.
нужно подняться на ноги, нужно идти искать,
то, что и так всю жизнь волочится за тобой.

и пока ты вот так вот гоняешься за хвостом,
наступаешь себе на горло, расплющивая кадык,
твой хранитель кладет на коленку двойной листок
и старательным почерком записывает ходы.
и когда ты уже совсем собьешься и с ног, и с сил,
и поймешь, что по всем подсчетам прошел лишь треть,
подойди к нему спящему и тихонечко попроси,
чтоб он дал тебе на свое творение посмотреть.
а когда ты начнешь возмущаться и возражать,
мол, куда подевался его знаменитый слог –
хорошенько задумайся и рискни ему доказать,
что твоя история интереснее, чем колобок

Ірма Петрова

Люмос

Як ми з тобою
Бачили страждання й болю стільки,
Що серце покохати може Сонце лиш?
Облиш!
Невже неправдою наші визнання стануть,
Коли несамовитим саявом від поцілунку першого
Розтягло небеса?
Для мене світло – темряви омана
Та вранішня терпка роса,
Коли для тебе промінь
Є натхненням для роману,
Де замість олівця слугує клепана коса.
Моя кохана,
У світах, які сновиділи колись,
Ми зруйнували всі ворожі плани
Та від пророцтва вберегтися
Спромоглись,
Бо йшли на світло вздовж своєї тіні,
І був магнітом відданий зеніт,

І легко в темряві іти по павутині,
Бо з тої темряви народжувався світ.
І слід у слід... Тому я знаю – правда –
Любові слово і жага
На вірність присягати,
Бо я для тебе досі світла промінь,
Ну а для мене світло Сонця – Ти.

ЕсХіл

За териконами ламає перший
Промінь горизонт
І визначає небосхил,
Холодний вітер невблаганний
До пілотів,
Їх пропеллерів та крил.
Я чув, що у Донбаськім краї
Прометея закував Есхіл –
Тепер вогонь снарядів
Заміняє полум'я горнил.

Коли закінчиться війна,
Я точно посаджу свій сад,
А поки тішусь, що у мене
Є і дрон, і автомат
І поряд спати деколи лягає
Кульгавий одновухий кіт –
За це я дякую стихії,
Що вела мене на Схід.

Я кожен день спостерігаю,
Як палає ліс, –
Це відчуття не передасть
Вам марафону журналіст,
Бо світ летить з-під ніг

Кульгавому коту під хвіст,
Коли проріже поряд тишу
Гострий міни свист.

Рікою візерунків возять
Мертвих у човні,
Туман ранковий їх ховає,
Наче уві сні.
У темряві густій ми світим,
Як вогні –
Для когось погребальні,
А для когось рятівні.

Галина Маркелова

313

Утренняя заря рдяный подол полощет в морской ряби...
так рождается первый день первой недели года...
 умиление – эмоция данная нам дабы
 не забывали милости небес.
 тут мой внутренний бес
 тычет мне другой календарь,
а там триста тринадцатый день войны...
 пристально всматриваюсь вдаль,
а там... в окровавленной тунике Аврора,
 вырвавшись из бахмутского окопа,
бежит наперерез тишине недописанной строки,
 чтобы в морской воде стирать бинты...
 ей известно с давних пор,
еще с той, первой, мировой, троянской –
 соль моря какой-никакой,
 но физиологический раствор...
 и она усердно трет и треплет
 всё человеческое отребье,
являя божественное милосердие,

авось дойдет, кто кому и в какой мере врет...
милосердие – редкий цветок,
расцветающий в любом неожиданном месте
в любое время
поодиночке и созвездиями...

Евгений Ушан

Картина «Завтрак на траве»

Во Франции, в хваленой загранице
Меня одна картина потрясла:
Два мужика в прикидах, а девица
Сидела в чем мамаша родила.
Не трапеза, а похоти гримаса
И поруганье девичьей красоты!
Я возмутился и, достав фломастер,
Дорисовал ей майку и трусы.
Будь жив Мане, сказал бы мне: – Спасибо.
Но копы до похвал не снизишли:
Сломали челюсть, отобрали ксиву,
И в местную кутузку отвезли.
Сижу в СИЗО, режим не нарушаю,
Пишу посланья грустные жене –
И лишь одно бодрит и утешает,
Что я соавтор самого Мане.

* * *

Стрелюю Амура контужен,
С весенним либидо в крови
Пришел я к подруге на ужин
В предчувствии таинств любви.

И, нервно мартини глотая,
Впадал я в любовный озноб.

А ты, ни на миг не смолкая,
Шекспира читала взахлеб.

Давно уже ночь наступила,
В окошках погасли огни.
А ты принялась за Эшила,
Бодлера и прочих Парни.

Увяли мои хромосомы,
Уснули гормоны мои,
И молча ушел я из дома,
Твоей не дождавшись любви.

И все свои книжки наутро
Безжалостно сжег я в огне,
Оставив одну Камасутру –
Ее мне хватает вполне.

Инна Квасивка

* * *

Уходи с Марией дитятком насовсем,
покидай в ночи обстрелянный Вифлеем,
здесь огонь живуч, мертва с этих пор вода,
здесь у смерти – крылья, небо и провода.
Уясни себе, жене повтори раз пять:
«Мы спасаем сына, чтобы потом распять,
чтоб убийца каждый явно увидеть мог,
как душа восходит и воскресает Бог».
А когда начнет в дороге греметь рассвет –
знай: взлетела смерть, расправив хвосты ракет,
будет бить младенцев и забирать, пока
не пригубит Ирод крови и молока.
Уходи, не бойся! Милостив Бог и благ:
Он пошлет машину, даже наполнит бак,
лишь бы вы спаслись, и будущий Царь царей
за своих убийц Отца просил: «Пожалей!»

Кларисса Ярошевич

Дуб и птаха

Я не знаю, что стало последним доводом.
Я давно поделил свое сердце с городом.
Пуповиной незримой, воздушным проводом
Потянулся за мной мой родимый дом.
За спиной у меня раздавались выстрелы,
И я понял очень простую истину:
Всё, что раньше казалось таким немислимым,
Может сбыться одним очень страшным днем.
Как шальные кости, что черти бросили,
Мир летел, и страшно кренилась ось его.
И катились слезы – от горя, злости ли,
А привычный быт полыхал огнем.
Мне приснился сон, я глаза все выплакал:
Мне приснилось, что дуб свои корни выкопал
И бежал за мной, только вдруг сухим упал
И в тот самый миг обернулся пнем.
Я развеял сон и смыл с глаз налет его.
Птах железный ждал и дорога взлетная.
Я подумал – птица-то перелетная.
Значит, все вернемся и всё вернем.

Владислав Китик

* * *

L

...Даже взглядом не дотянуться,
Будь хоть трижды я дальнозорким,
До тебя. Даже линзы бьются.
Там, за степью, за морем горьким
Образ твой, за семью горами –

Тает в воздухе безмятежном.
Только небо одно над нами
И созвездья одни и те же.
Я отправил бы за тобою
Вслед преданьям неугомонным,
Растянув анфиладным строем,
Волны круглые, как лимоны.
Но измяв дистанций рогожу,
Вихри пишат свои рондели.
Даже ветер, вихры ероша,
Не качнет твои иммортели.
А у нас, будто ром на шхуне,
Вдруг растрогает вне сезона
Ночью, млеющей от июня,
Теплый бархат аккордеона.
Но и песней в клюве «Ютуба»
Сквозь твои не пробиться стены.
Отираю ладонью губы,
Занемевшие от рефренов.
С неприкаянностью такою,
Со слезой, поглощенной мхами,
Прикасаюсь к тебе строкою,
Обнимаю тебя стихами.

Анна Маліцька

* * *

Спи.
Я – твоя тінь.
Я – пурпурове перо
На помежів'ї вітру.
Спи.
На земній путі
Я лиш не встиг пройти
Хоч би одну орбіту.

Світ
Залишив мене
Поза ім'ям і життям,
Але ще живого.
Світ
Зневажа сумне
І не зважає на тих,
Хто горнувся до нього.

Там,
Де сонця нема,
Завжди чорнітиме лід
Моїх обладунків.
Там,
Де лише – зима,
Крізь відчуженість
Ти простягнеш руку.

Ти –
Гранатовий цвіт.
Ти так потрібна мені,
Та чи я – потрібний?

Ти
Жнеш поля живі.
А я збираю з очей
Тільки мідь і срібло.

Спи.
Я чатую мир.
Пів року й у сірих хмар
Є лагідні зливи.
Спи.
Нам потрібні ми.
І в нас є ще ці пів життя –
Уповні щасливі.